

Я все напишу, хотя и не знаю, с чего начать и что писать. Я только знаю, чем все кончилось.

Кончилось тем, что Ильза пропала.

Ильза — моя сестра. Она пропала. Ильза не вернется. А если вернется, ее отправят в приют. Потому что невозможно больше нести ответственность — так они говорят. Попечительница из полиции сказала — сначала ее надо еще найти, а уж потом пусть мама решает. Папа считает, что тоже имеет право высказать свое мнение. Но кто его станет слушать. Да ему и сказать-то нечего.

Я не хочу, чтобы Ильза нашлась. Потому что ее отправят в приют.

Ничего я им не скажу.

Мама и Курт говорят, что я обязана рассказать все, что знаю. И папа, и бабушка, и все так говорят.

Ничего я им не скажу.

«Что угодно, только не это!» — сказала мне Ильза еще перед тем, как пропала. И была права. По-своему.

Когда мне будет четырнадцать, как Ильзе, может, и со мной так будет. И тогда Оливер пусть тоже меня не выдает.

Ничего им не добиться. Я ничего не знаю!

Она надела красное пальто и сказала, что пойдет купить тетрадь в линейку. С полями. Больше я ничего не знаю, мама!

Больше она мне, правда, ничего не сказала, Курт! Ну правда, папа, правда!

А я, госпожа попечительница, как раз решала очень трудное уравнение с тремя неизвестными. Я на нее даже и не взглянула!

«Радуйся, что у нас такая большая семья, — говорит мне иногда мама, — в этом есть свои преимущества». Называть нас «большой семьей» — нет, это плохая шутка. Но свои преимущества тут и правда иногда есть. Например, в день рождения. В этот день я получаю подарки от трех бабушек, трех дедушек, от мамы, от папы, от отчима, от папиной жены, от бывшей жены отчима и от шести братьев и сестер.

Сперва кажется, что во всем этом не разобраться. А ведь на самом деле все довольно просто. Моя мама вышла замуж за моего отца и родила двух детей: Ильзу и меня. Потом они развелись, и папа женился на другой, и у них опять родилось двое детей. А мама вышла замуж за Курта, и у них тоже родилось двое детей. А Курт еще раньше был женат, и у него есть ребенок.

Все это вовсе не такая уж редкость. В нашем классе у многих родители развелись, а потом опять женились и нарожали детей. Правда, некоторые

не могут позволить себе новых детей — из-за алиментов на старых.

Мама с папой развелись, когда Ильзе было семь лет, а мне — пять. Говорят, они потеряли общий язык. Но что-то тут, наверно, еще было. А то зачем бы мама стала так прятать эту бумажку — решение суда о разводе. Один раз я искала свою справку о прививках и нашла это «Решение суда» в папке с документами, а мама как вырвет его у меня из рук! Я даже первый абзац дочитать не успела. Это вообще меня не касается. Так она сказала. И покраснела.

После развода мы с Ильзой сначала жили у бабушки — у папиной мамы. А папа остался на нашей старой квартире. А мама вернулась к своим родителям, и по субботам и воскресеньям мы тоже жили у ее родителей. Мама тогда работала секретаршей в газете.

В редакции она познакомилась с Куртом. Он был там редактором. Через два года она вышла за него замуж, и мы уехали от бабушки и стали жить у Курта. Потом у мамы родились Оливер и Татьяна. Татьяна — через год после Оливера. Оливер и Татьяна называют Курта папой. А мы с Ильзой — Куртом. Но отца и мать Курта мы все четверо зовем бабушкой и дедушкой.

Бабушку я вообще не перевариваю, потому что она меня не переваривает. А дедушка — ничего, хороший. Раньше мой дедушка — папин отец — тоже был очень хороший. Но теперь у него жуткий склероз, и он говорит так чудно. Бабушка иногда

даже плачет, когда он так чудно говорит. Он все что-то бормочет себе под нос, а в последний раз даже спросил, как меня звать и кто я такая.

— Да ведь это же Эрика! Эрика! — крикнула бабушка.

(Дедушка еще вдобавок почти ничего не слышит.)

— Ах, да, да, Эрика! — сказал дедушка, а через две минуты опять спрашивает:

— Это что же за девочка? Как ее звать?

Каждый четверг я хожу после школы к бабушке и дедушке. Раньше Ильза тоже со мной ходила. Еще год назад. Когда дедушка не был такой чудной. А теперь она просто увиливает. А еще она говорит, что у бабушки всегда воняет кислой капустой и жареной картошкой. Это правда. Ну и что ж тут такого? По-моему, запах как запах.

Только это не бабушкиной капустой воняет. Это из квартиры Губеров — на их этаже. У них кухня прямо за дверью. И у бабушки тоже. А окон в кухне в их доме вообще ни у кого нет. Только дверь в коридор из стеклянных матовых плиток. А наверху на ней — форточка. И она всегда приоткрыта. Вот запах и идет в бабушкину квартиру. Что она может поделать?

— Родители моего экс-супруга живут ужасно! Просто ужасно! Трудно поверить, что в наше время такое еще возможно, — рассказывала мама недавно своим гостям. И тут она стала описывать кухню и комнату бабушки и дедушки. У них даже крана нет — моются в пластмассовом тазу. А в комнате ни проехать, ни пройти — две огромные кровати

и четыре шкафа, доверху набитые всяким старьем. А под кроватями еще какое-то барахло: чемоданы, баулы, картонки, ящики.

— И представьте себе, в этой тесной каморке, заставленной ненужными вещами, стоит еще маленький столик. Другого у них вообще нет. А на нем громадный букет искусственных роз ярко-розового поросячьего цвета!

Ильза сидела рядом с мамой. Глаза у нее стали узкие-узкие, как у кошки. У Ильзы, когда она злится, глаза всегда как у кошки. Но мама даже и не заметила Ильзиного кошачьего взгляда. Она обернулась к Ильзе и спрашивает:

— А может, у них теперь уже другой букет на столе стоит?

— Пойди и посмотри, если это тебя так волнует! — вспыхнув, бросила Ильза и выбежала из комнаты.

Мама удивленно поглядела ей вслед, а гостья сказала, что девочки в переходном возрасте всегда очень трудны.

Тогда мама стала спрашивать меня. И я уже собиралась ей ответить, что бабушка сменила розы на три пластмассовых ириса, но не успела еще и рот раскрыть, как Курт крикнул:

— Да прекрати ты, черт побери, Лотта, обсуждать такие вещи!

И мама тут же переменяла тему. Я пошла в нашу комнату. Ильза сидела за письменным столом и покрывала ногти мертвенно-зеленым лаком. Она дрожала от злости, и зеленый лак то и дело попадал ей на пальцы.

Она сказала, что мама ее просто заводит. Ей просто дышать нечем, когда мама начинает вот так выступать.

— А ее итальянское зеркало в спальне, — не унилась она, — точно такая же мерзость, как бабушкины розы! Только стоит куда дороже! Мама воображает, будто что-то собой представляет — потому, что нашла себе мужа с квартирой в шесть комнат!

Я хотела успокоить Ильзу и сказала:

— Ты права, но волноваться из-за этого нечего.

— А ты вообще хладнокровная рыба! — взвилась Ильза и наговорила мне еще много всякого, но я все равно знаю, что она так не думает. Когда Ильза разойдется, она машет руками как бешеная.

Она задела флакон с лаком для ногтей, и он перевернулся. Мертвенный лак пролился на письменный стол. Я хотела его вытереть, но его разве вытрешь! Письменные столы у нас совсем новые. Я боялась, что мама из-за пятна будет ругаться. Я принесла растворитель и вылила его на пятно, но в растворителе, оказывается, есть ацетон, а от него сошла полировка, и опять получилось пятно, только еще больше.

— Ну вот, поправила дело, растяпа! — прорычала Ильза.

Никогда я не могу как следует разозлиться. Даже если со мной вот так обращаются.

Я сказала:

— Да не волнуйся ты! Я скажу маме, что это я виновата.

— Спасибо, обойдемся!

Она сказала это как-то так, что я поняла — нет, это она не воображает, это она всерьез.

— Но ведь мама знаешь как разойдется! Жутко! — сказала я.

— Ну и что? Пусть ее! Если мне это чересчур надоест, я вообще уйду!

До меня даже не сразу дошло. Я подумала, что она тогда просто уйдет в другую комнату. Или в туалет. Я и сама там часто отсиживаюсь, когда мама слишком долго меня ругает.

Но тут Ильза сказала:

— Я и так сыта по горло. У меня это все давно уже вот где сидит! Прямо хоть ори!

Я принесла из кухни мокрую тряпку и вытерла письменный стол. Красивее он от этого не стал.

— Куда же ты собираешься уйти? — спросила я.

— Да тут тысяча возможностей, тысяча!

Но прозвучало это так, будто ни одной возможности она назвать не могла. И я не стала ее больше расспрашивать.

Я, наверно, не с того начала.

Я хочу написать про Ильзу. Надо, пожалуй, сперва описать, как Ильза выглядит. Это ведь очень важно.

Ильза красивая. Не то что хорошенькая, или миловидная, или как там еще говорят. Она красивая. Вся, сверху донизу. От прямого пробора на голове до пальцев на ногах с педикюром у нее нет ничего, что не было бы красиво.

У нее очень густые каштановые волосы, прямые, гладкие, до плеч. Ни разу еще у нее на лице

не выскочил ни один прыщик. Глаза у нее серые, с зелеными точками. А нос совсем маленький. Она очень тоненькая, но грудь у нее высокая, конусом. Талия у нее всего сорок шесть сантиметров, и ее учитель рисования вычислил, что все пропорции у нее в точности, как у греческих статуй. Я могла бы исписать еще много страниц, рассказывая про внешность своей сестры. Про ее белые зубы и длинные ресницы, и про ноги, о которых Ганси говорит, что это «не ноги, а дивный сон». Но все равно это не главное. А главное — вот что: в Ильзе есть что-то, чего нет во всех других. Я уже сколько раз это замечала! Когда я на большой перемене захожу к ней в класс, там стоят у стены, сидят на подоконнике и бродят между рядами больше тридцати девочек. Хорошенькие, так себе и дурнушки. И среди них — Ильза. Но она какая-то совсем другая.

Герта из Ильзинового класса тоже очень красивая. Но когда Герта надевает старый вылинявший свитер, все это сразу видят. А вот если моя сестра наденет старый застиранный свитерок, этого никто не заметит. Самый дешевенький свитер выглядит на ней как роскошный, самый модный пуловер из гламурного бутика.

Вот — теперь я знаю!

Моя сестра Ильза как будто сошла с рекламы. Только, конечно, не рекламы стирального порошка или там яичной лапши высшего сорта. Она — из рекламы дорогих духов и спортивных автомобилей для молодых людей. Принцесса кока-колы и мартини — вот она кто! Только по внешности, конечно.

Раньше Ильза не была такой красивой.

Когда мы еще жили у бабушки, мы каждый день ходили на рынок. Бабушка все покупает только на рынке. Она проходит по всем рядам, смотрит, пробует, ощупывает, приценивается. Запоминает, у кого сколько стоит салат, огурцы, апельсины. Самый дешевый товар всегда у госпожи Кратохвиль, и бабушка давно бы должна усвоить, что она отдает все дешевле других. Ведь бабушка вот уже сорок лет изо дня в день ходит на рынок. Но по ее понятиям, хорошая хозяйка сперва обойдет весь рынок, а уж потом покупает.

Когда мы с бабушкой ходили по рынку, все там всегда говорили Ильзе:

— Ты что так насупилась?

А про меня говорили, что я веселая и простая.

Дворник в том доме, где живет бабушка, сказал как-то: «Если б Ильза не глядела исподлобья, а улыбалась, ее даже можно было бы назвать красивым ребенком!»

Но Ильза в то время почти никогда не улыбалась. Во всяком случае, я этого не помню.

Я помню только, что она все время писала буквы. Она сидела за маленьким столиком перед вазой с букетом искусственных роз и исписывала буквами целые страницы. Дедушка сердился и говорил, что она себе зрение испортит, но она все писала и писала.

Она была тогда во втором классе. И как раз перешла в другую школу. Потому что мы ведь летом после развода переехали к бабушке, а бабушка живет очень далеко от нашего прежнего дома.